

**ПРАВОВОЙ ПАРТИКУЛЯРИЗМ
В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ
И ЗАРОЖДЕНИЕ МЕСТНОГО ПРАВА В РОССИИ**

С.А. Февралев

В статье рассмотрен процесс зарождения деления русского права на централизованное (общее) и партикулярное (отдельных княжеств), что явилось предпосылкой формирования местного права в российской правовой системе. Возникновение местного права было обусловлено особенностями племенного состава населения, обычаи которого перешли на уровень правового регулирования в Древнерусском государстве. В XIII–XV вв. зарождаются механизмы согласования действия права на различных территориях – междукняжеские договоры и договоры между народом и князем. Основной формой предоставления прав и привилегий для населения отдельных территорий становится их дарование Московским великим князем с использованием уставных и жалованных грамот, о чем свидетельствуют Двинская (1397 г.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты. Процесс движения к единому источнику права, начавшийся с Судебников 1497 и 1550 гг., завершило издание Соборного уложения 1649 г., которое стало основным источником русского законодательства в централизованном Московском государстве. Именно Соборное уложение создало основу дифференциации системы права на общегосударственное и местное в условиях начавшегося формирования Российского государ-

ства как империи во второй половине XVII в. Общегосударственное право распространялось на население Московского государства (впоследствии внутренние губернии), а местное – на жителей новых территорий, включаемых в состав российских подданных.

Ключевые слова и фразы: партикулярное право, местное право, общерусское право, источники права, русское государство

Зарождение местного права уходит своими истоками к зарождению государственности и правового регулирования. При переходе от родоплеменного социального устройства к государственной организации общественной жизни на основе племенных обычаев начинает формироваться и позитивное право, отличавшееся на различных этапах его развития правовым партикуляризмом. Объединение государственных образований в добровольном порядке или путем экспансии влекло и необходимость учета уже сложившихся правовых регуляций и, соответственно, учета и согласования между собой общегосударственных и партикулярных, местных правовых систем. Проблема соотношения права метрополии и присоединенных народов была характерной чертой правового развития Римской империи. Позднее подобные процессы были типичны и для других стран [1].

Зарождение местного права в России было связано с таким явлением в формировании и развитии государства и права, как правовой партикуляризм. Естественная обособленность отдельных племен влекла и их обособленность в управленческом и нормативно-регулятивном отношениях. Государственно-правовой партикуляризм проявляется уже в период формирования государственности и права на Руси и становится свойством, присущим древнерусскому государству и праву, и, отмечает П.И. Числов, «обуславливался различием географических, климатических, общественных и экономических условий их жизни» [2]. В древнерусском праве по мере его формирования обозначилось его деление на общее и местное. Общее право складывается как продукт подчинения племен общей власти, а затем формирования государственной власти и государства, что влекло за собой подчинение одинаковым распоряжениям этой власти и зарождение общеобязательных юридических правил. На эту черту обращает внимание Ф.И. Леонтович: «Идея права, признанная дотоле только в общине, распространяется на все племена, подчинившиеся общей власти» [3].

В деятельности Древнерусского государства развивается законодательное направление. Опираясь на обычаи и санкционируя их, «государство, – указывает М.Ф. Владимирский-Буданов, – постепенно овладевает своею будущею функцией творчества и защиты права» [4]. Проявляются потребность в едином правовом регулировании, стремление к упорядочению и объединению разноплановых источников права в единый акт. Первым в истории русского права его источником общегосударственного характера стала «Русская Правда». Начала «Русской Правды» уходили к первому ак-

ту систематизации права под названием «Древнейшая Правда» («Правда Роськая»). Затем последовала Правда Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.), далее – Правда Ярославичей – сыновей Ярослава Мудрого (около 1072 г.). Указанные акты составили Краткую редакцию Русской Правды. В 20–30-е гг. XII в. создается вторая редакция «Русской Правды» – «Пространная Правда», объединившая текст «Краткой Правды» с нормами княжеского законодательства Святополка Изяславича (в 1093–1113 гг. – Великого князя Киевского) и также Устава Владимира Мономаха (1113 г.). В XV в. в Московском государстве сложилась последняя редакция памятника – «Сокращенная Правда». Д.Я. Самоквасов на основе анализа «Русской Правды» обращает внимание на ее роль как источника общегосударственного права и сосредотачивает внимание на ее «официальном значении ... в древней Руси как свода исключительно уставов и княжеских судебных решений, получивших силу общего закона для всей Руси» [5]. Договоры Руси с Византией (911, 944, 971 гг.) давали первый опыт согласования правовых предписаний в рамках международно-правовых актов.

Местная локализация источников права была связана с вступлением Руси в период феодальной раздробленности в XII – начале XIII вв., когда Древнерусское государство разделилось на ряд отдельных самостоятельных княжеств и земель. Государственная раздробленность повлекла как территориальное обособление – зарождение областной «автономии», так и обособление и создание новых местных источников права. Наиболее четко характерные черты формирования местного права дает Ф.И. Леонтович, который указывает, что в период образования новых княжеств происходит «сильное развитие областной автономии... На севере России развивается система народоправств (Новгород, Псков), на северо-востоке – система княжеских вотчин. Там на первом плане стоит община, здесь – князь. Иной порядок замечаем в юго-западной (литовской) России: в общественной жизни выдвигаются на первый план сословные начала – идея государства уступает в силе интересам господствующих сословий (боярщины, позднейшей шляхты). Соответственные явления замечаем и в законодательстве. В каждой области являются свои местные законы в форме разного рода грамот (привилеев литовско-русских) – уставных, судных, жалованных и пр. ... В особенности резко обозначилось различие между законодательством северных общин (Новгорода и Пскова), северо-восточных княжеств и федерации литовско-русских земель (Великого княжества Литовского). ... Каждая из этих систем права имела свои особенности, отличалась различным внутренним характером и направлением» [6].

Местное право в период княжеской раздробленности было результатом законотворчества отдельных государственных образований и приобретало различные формы выражения партикулярного права. Соответственно возникали и проблемы его локализации в рамках отдельных княжеств, а также

согласования источников права и сложившихся механизмов правового регулирования между отдельными образованиями при слиянии княжеств, добровольном присоединении или завоевании новых территорий. В контексте формирования местного права интерес представляют локальные источники права – грамоты как форма оформления различного рода правовых предписаний, к которым относились судные грамоты, государственные уставные грамоты, жалованные грамоты, а также междукняжеские договоры и договоры между народом и князем.

Судные грамоты Новгорода и Пскова наиболее ярко отражали формирование местных источников права. Новгородская судная грамота содержала положения о судеустройстве и порядке судопроизводства. Псковская грамота: положения о судеустройстве – видах суда и о судопроизводстве – о порядке суда, судебных доказательствах и судебных пошлинах. Ряд положений относились к уголовному и гражданскому праву [7].

Государственные уставные грамоты с точки зрения формирования местного законодательства были характерны для определения системы взаимоотношений князя с населением вновь приобретенных территорий. Как отмечает Н.П. Загоскин: «Государственными уставными грамотами следует считать издаваемые государственной властью грамоты, содержащие в себе более или менее всестороннюю регламентацию различных ветвей местного управления, правительственного или земского». В их числе он выделял две группы – «уставные грамоты, определяющие порядок местного правительственного управления» и «уставные грамоты, определяющие порядок местного земского самоуправления» [8]. Позднее по этому поводу П.И. Числов подчеркнул, что «под уставной грамотой понимается в то время учредительный акт, определяющий местное управление той или иной области» [9]. Уставные грамоты показывают, как подчеркивает А.Д. Градовский, что «князья старались определить отношения правительственных лиц к народу уставными грамотами», а последние «имеют главной своей целью ограничить произвол областных начальств относительно местного народонаселения» [10].

Издание уставных грамот представляет наибольший интерес с точки зрения определения содержания публично-правовых отношений в условиях формирующегося развития государственности и права на Руси в период раздробленности. Устойчивость княжеской власти в новых провинциях могло поддерживать только сохранение местных правовых установлений и полномочий земского самоуправления, а также четкое определение пределов взаимоотношений с представителями княжеской власти на местах. При этом, как обращает внимание М.В. Владимирский-Буданов, «уставная грамота не есть привилегия: в ней содержатся не исключения из общих норм, а местное применение их; это есть закон местный» [11]. До нас дошло 15 уставных грамот. В связи с этим Н.А. Максимейко указывает, что «лучшим свидетельством местного разнообразия в древнерусском праве

являются уставные грамоты Литовского и Московского государств, которые выдавались правительством отдельным землям. Из них видно, что каждая земля имела свое особое право» [12], т.е. партикулярные правовые установления. Они определяли организацию наместнического управления, суда, правила предоставления содержания княжеской администрации (корм) и доходов с разрешенных дел (пошлин) и другие вопросы местного управления. Из числа источников местного права наибольшей полнотой своего содержания выделяются Двинская (1397 г.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты. Уставные грамоты в Великом княжестве Литовском также достаточно широко использовались в определении системы взаимоотношений с народами и землями, вошедшими в его состав [13].

Междукняжеские договоры также закладывали основы механизмов согласования действия права на различных территориях. Известны более 66 договоров, заключенных в XIV–XVI вв. Они представляли собой мирные трактаты и назывались крестными, целовальными мирными и любовными грамотами. В них определялись взаимные отношения между князьями для прекращения или для предупреждения взаимных войн, устанавливались территориальные границы владений, порядок рассмотрения споров между князем и подданными, права и обязанности подданного одного князя на территории другого, условия ликвидации последствий предшествующего договору военного столкновения, условия возвращения занятых областей и пленных, возмещения убытков и др. В рассматриваемый период складывались и договоры между народом и князем, которые устанавливали права князя в отношении населения на определенной (присоединившейся или завоеванной) территории как правителя, судьи, а также его финансовые права. Известны 25 таких договоров, первый из которых относится к 1264–1265 гг., а последний к 1471 г. Для XIII столетия были характерны «договоры князей с волостями», которые, как указывает В.М. Грибовский, «могут быть по содержанию своему охарактеризованы тем, что в них по преимуществу определяются условия призвания князя и его права и обязанности как высшего судьи, гражданского правителя и военачальника» [14].

Рассматривая процессы территориальной локализации права, необходимо учитывать связь формирующегося местного и обычного права. «В старой розни обычного права славян, – указывает Ф.И. Леонтович, – нужно искать корни партикулярного направления русского права в течение всего княжеского периода (т.е. до начала XVII века): система местных законов Москвы, Пскова, Новгорода и других русских земель и волостей XIII–XV столетий, несомненно, берет свое начало в исконном партикуляризме обычного права славян, в старой розни обычаев...» [15]. На данном этапе развития древнерусского права правовой партикуляризм отражал и складывающиеся в обществе представления о праве, правовой консерватизм отдельных народов. Как подчеркивает П.И. Числов: «Взгляд, что у каждого народа существует свое национальное право, приводит к убежде-

нию, что это право составляет приращенное достояние, приобретенное от предков, за которое надо держаться и сохранять как старину» [16]. Но в указанный период, в условиях зарождения национальных правовых систем, еще не было четко выраженных их особенностей. Формирование русского права, как и восточноевропейского, определялось общими факторами их развития, поскольку, как указывает А.Н. Филиппов, «все народы, на известных одинаковых ступенях их культуры, имеют сходственные юридические нормы и учреждения, соответствующие общим условиям их религиозной, экономической и политической жизни» [17].

Формирование Московского государства как централизованного политико-правового образования подводит итоги периода раздробленности русских княжеств и «эпохи, когда у нас на первом плане, – как отмечал Ф.И. Леонтович, – стояла дробная система ... местных, партикулярных законов (XIV и XV столетий)» [18]. В правления Ивана III и Василия III за счет присоединения Новгородской республики (1478 г.), Тверского великого княжества (1485 г.), Псковской республики (1510 г.) и Рязанского великого княжества (1521 г.) в целом завершился процесс расширения Московского великого княжества. В это время начинается и движение в сторону создания общерусского законодательства, но «право в московский период развивается медленно и, так сказать, с большим уважением к старине, с сохранением большей с ней связи; кроме того, Москва не сразу делается российской законодательницей: Московский князь лишь в конце XIV века стал законодателем и вне Москвы, но и здесь он более помогает и своим авторитетом утверждает местные законодательства; только в конце XV века эта всероссийская законодательная роль московского князя окончательно установилась, и Судебник, впервые изданный великим князем Иоанном III в 1497 году, есть уже акт всероссийского законодательства, хотя и его действие, по воле законодателя, ограничивается главным образом теми пунктами Московского государства, где не существовало в то время своих местных уложений или грамот», – указывает П.М. Мрочек-Дроздовский [19]. Последовавшее затем издание Судебника 1550 г. и его дополнения указными книгами приказов (почти 450 указов) продолжило стремление власти к унификации правового регулирования. При этом на формирование общерусского законодательства влияние оказывает «практическая рецепция чужого права»: приказные служители сами создавали «субсидиарные источники права из постановлений Литовского статута», для чего из него «делались выписки ... дьяками, переводились (весьма неискусно) на московское наречие, расчленились на статьи, приписывались в Указные книги... и, несомненно, применялись на практике», – обращает внимание на привлечение источников права Великого княжества Литовского М.Ф. Владимирский-Буданов [20].

Процесс создания общерусского права завершило создание Соборного уложения 1649 г., которое стало, как отмечает Н.П. Загоскин, «рубежом,

отграничивающим древнее и новое законодательство» и «краеугольным камнем в основе русского законодательства» [21]. Соборное уложение в условиях оформления Московского государства как централизованного стало и основным источником его права, первым кодексом в истории русского законодательства. Оно опиралось на прежние правовые акты – Судебники 1497 и 1550 гг., «Кормчую книгу», «Стоглав», царские указы и судебные приговоры, испытало влияние в качестве «кодификационного пособия» и выстраивания системы законодательных предписаний Литовского Статута. Но именно издание Соборного уложения как главного источника общерусского права означало завершение централизации правовых предписаний и преодоление партикуляризма источников русского права. Одновременно оно создало и основу проведения дифференциации права на общегосударственное и местное в условиях формирования Российского государства как империи во второй половине XVII в.

Итак, формирование и развитие русского права в X – первой половине XVII вв. отразило тенденции выделения в нем в качестве локализованных территориально систем местного права, а затем его централизации. До XII в. это обуславливал партикуляризм обычного права, основывающийся на обычаях отдельных славянских племен. С раздроблением Древнерусского государства в XII–XV вв. и локализацией законодательства в отдельных княжествах начинает складываться местное право, которое действовало в отношении отдельных групп населения на определенных территориях. И хотя местное право отдельных княжеств имело общую социально-правовую природу и в своей основе опиралось на общегосударственный правовой акт – «Русскую Правду», оно начинает преимущественно регулировать публично-правовую сферу отношений в части определения системы взаимоотношений князей с присоединенными или завоеванными территориями и лишь незначительно затрагивает сферу частного права. В условиях развития гражданско-правовых отношений местное право получает все большее развитие и более начинает отражать местную специфику. В XVI – первой половине XVII вв. в условиях образования Московского государства как централизованного проходит и централизация источников права. Издание Соборного уложения 1649 г. определило его в качестве источника общегосударственного права, что позволило по мере расширения территории Русского государства выделять в структуре русского права региональный уровень – местное право.

Библиографический список

1. См. Фрезе, Б.Н. Общее и местное право в Римской империи / Б.Н. Фрезе. – Ярославль, 1902; Дарест, Р. Исследования по истории права / Р. Дарест. – СПб., 1894.
2. Числов, П.И. Курс истории русского права / П.И. Числов. – М., 1914. – 20 с.

3. Леонтович, Ф.И. История русского права / Ф.И. Леонтович. – Одесса, 1869. – Вып. 1. – С. 26–27.
4. Владимирский-Буданов, М.Ф. Русская правда / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1911. – С. 17.
5. Самоквасов, Д.Я. Лекции по истории русского права / Д.Я. Самоквасов. – М., 1896. – Вып. 2. – С. 142.
6. Леонтович, Ф.И. История русского права / Ф.И. Леонтович. – Одесса, 1869. – Вып. 1. – С. 28.
7. Ясинский, М.Н. Лекции по внешней истории русского права / М.Н. Ясинский. – Киев, 1898. – Вып. 1. – С. 140–162.
8. Загоскин, Н.П. Обзор уставных грамот XIV–XVI вв., определяющих порядок местного правительственного управления / Н.П. Загоскин. – Казань, 1875. – С. 357–358, 362.
9. Числов, П.И. Курс истории русского права / П.И. Числов. – М., 1914. – С. 76.
10. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права / А.Д. Градовский. – М., 2006. – Т. 1. – С. 4.
11. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1905. – С. 220.
12. Максимейко, Н.А. Русская Правда и литовско-русское право / Н.А. Максимейко // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. – Киев, 1904. – С. 382.
13. См. более подробно: Загоскин, Н.П. Уставные грамоты XIV–XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления / Н.П. Загоскин. – Казань, 1876. – Вып. 2; Ясинский, М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-русского государства / М.Н. Ясинский. – Киев, 1889. – С. 3, 75–76; Самоквасов, Д.Я. Древнее русское право / Д.Я. Самоквасов. – М., 1903. – С. 32–34; Мрочек-Дроздовский, П. Памятники русского права времени местных законов / П. Мрочек-Дроздовский. – М., 1902. – С. 59–62; Богословский, М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. / М. Богословский. – М., 1909. – Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. – С. 254–259.
14. Грибовский, В.М. Древнерусское право / В.М. Грибовский. – Пг., 1915. Вып. 1. Древнейший земско-княжеский период. – С. 18.
15. Леонтович, Ф.И. История русского права / Ф.И. Леонтович. – Одесса, 1869. – Вып. 1. – С. 85.
16. Числов, П.И. Курс истории русского права / П.И. Числов. – М., 1914. – С. 20–21.
17. Филиппов, А.Н. Учебник истории русского права / А.Н. Филиппов. – Юрьев, 1912. – Ч. I. – С. 100–101.
18. Леонтович, Ф.И. История русского права / Ф.И. Леонтович. – Одесса, 1869. – Вып. 1. – С. 14.
19. Мрочек-Дроздовский, П.Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов / П.Н. Мрочек-Дроздовский // Юридический вестник. – 1884. – № 5–6. – С. 76.

Наука ЮУрГУ: материалы 69-й научной конференции
Секции экономики, управления и права

20. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев, 1905. – С. 228.

21. Загоскин, Н.П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года / Н.П. Загоскин. – Казань, 1879. – С. 3–4.

[К содержанию](#)